

РУССКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ТОЛСТОВСКОГО
ФОНДА

Russische
Bibliothek
Veranstaltungen
Sozialberatung

**Александр Николаевич Скрябин
(1872 – 1915)**

**Бюллетень № 165
Июнь 2015**

**Bulletin № 165
Juni 2015**

Das Bulletin wird seit 1975 herausgegeben.
Es erscheint vierteljährlich.
Der Herausgeber ist:

Бюллетень выходит с 1975 г.
Его издает четыре раза в год:

Tolstoi-Bibliothek
Thierschstr. 11
D-80538 München
Tel.: 089/299 775
Fax: 089/2289312

tolstoi@tolstoi-bibliothek.de
www.tolstoi-bibliothek.de

Redaktion und Verantwortung für den Inhalt:
Tatjana Erschow

Главный редактор:
Татьяна Ершова

ISSN 2197-6333

Жизнь Александра Скрябина

Александр Николаевич Скрябин — русский композитор и пианист. В его творчестве воплощены идеи экстатической устремленности к неведомым «космическим» сферам, идея преобразующей силы искусства. Музыкае присущи напряженность тонуса, диапазон образов от одухотворенно-идеальных, утонченных до экспрессивно-героических. Яркий новатор музыкальных выразительных средств, главным образом гармонии; развивал идею светомузыки, впервые в музыкальной практике ввел в симфоническую поэму «Прометей» партию света. «Божественная поэма» (3-я симфония, 1904), «Поэма экстаза» (1907) для оркестра; 10 сонат, поэмы, прелюдии для фортепиано. Профессор Московской консерватории (1898-1904).

Семья, учеба

Александр Скрябин родился 6 января 1872 года (25 декабря 1871 по ст. ст.) в Москве, в старинном дворянском роде. Отец - дипломат, мать - талантливая пианистка; умерла от туберкулеза, когда сыну не было и полутора лет. Мальчик воспитывался тетей, Л. А. Скрябиной, приохотившей его к фортепиано. В пять лет уверенно воспроизводил на инструменте не только мелодии, но и однажды услышанные несложные пьесы, в восемь начал сочинять музыку, писал также стихи и многоактные трагедии. В 1882-1889 по семейной традиции обучался во 2-м Московском кадетском корпусе. Брал уроки фортепиано у Георгия Эдуардовича Конюса и Н.С. Зверева, изучал теорию музыки под руководством Сергея Ивановича Танеева, выступал в концертах. В 1888-1892 годах - в Московской консерватории по классу фортепиано у Василия Ильича Сафонова (окончил с золотой медалью), параллельно занимался композицией у С. И. Танеева и Антона Степановича Аренского.

Начало творческого пути. Скрябин-пианист

К началу 1890-х годов относятся первые издания и исполнения фортепьянных пьес Александра Скрябина, главным образом авторские. Выдающийся пианист камерного плана, чья игра отличалась тонкостью и одухотворенностью, особым, созвучным эпохе, «нервом», музыкант всю жизнь концертировал, исполняя почти исключительно собственные сочинения. Уже первые выступления принесли ему успех, хотя и сам он, и его музыка вызывали неоднозначное отношение.

При всеобщем признании феерического таланта Александра Николаевича, восхищение одних, недоумение и неприязнь других с годами лишь возрастают, деля аудиторию на «скрябинистов» и «антискрябинистов», шокированных новаторским характером его сочинений. Однако профессиональная карьера композитора складывалась в целом удачно, не только благодаря незаурядной воле и творческой активности самого Скрябина, но и из-за постоянной поддержки почитателей его искусства - Митрофана Петровича Беляева, М. К. Морозовой, Сергея Александровича Кусевицкого, Александра Ильича Зилоти и др. Вскоре после окончания консерватории Скрябин концертировал в Москве, Петербурге и

других городах, а в 1896 году совершил турне по Европе (Париж, Брюссель, Берлин, Гаага, Амстердам, Кельн), повсюду вызывая к себе живейший интерес.

Раннее творчество

Много сочиняя со второй половины 80-х годов, Александр Николаевич Скрябин довольно быстро прошел стадию творческих поисков. Вначале это главным образом фортепьянные миниатюры, полные то сдержанной, изящной, в духе обожаемого им Фредерика Шопена, лирики (прелюдии, ноктюрны, вальсы, мазурки), то бурного, «листовского», пафоса (Двенадцатый этюд, ор.8; Прелюдес-moll, ор.11 и др.). Уже в ранних сочинениях - их импульсивной ритмике, изысканных интонациях, мерцающей диссонантности аккордов, «полетности» фигураций, воздушном плетении звуковой ткани - при всей очевидности посторонних влияний отчетливо проступают черты новаторского, собственно «скрябинского» стиля. Новые замыслы требовали для своего воплощения более развитых и крупных форм, и вскоре основными вехами творческого пути композитора становятся сонаты для фортепьяно, а позднее - симфонии и симфонические поэмы, по отношению к которым фортепьянные произведения играют роль своеобразных «спутников», «моделей» и эскизов.

«Биография духа»

Скрябинской вехой стала "Третья соната для фортепьяно" («Состояния души»; 1897-98). В предпосланном ей лирико-философском комментарии впервые был дан набросок всеобъемлющей этико-эстетической концепции, которая легла в основу образного строя всех последующих сочинений Скрябина, стала стержнем творческих исканий. Суть ее составляла неколебимая вера в преобразующую силу искусства: проведя человека сквозь этапы «биографии духа», заставив его пережить основные «состояния души» - от хаоса и отчаяния, неверия и угнетенности через надежду и всепоглощающее пламя борьбы, - искусство способно привести его к свободе и свету, к радостному упоению «божественной игрой» творческих сил.

Воплотить «биографию духа» в музыкальных звучаниях - не как статичную последовательность запечатленных «состояний» («от мрака к свету» - обычная эмоциональная схема бесчисленных симфонических и сонатных циклов, начиная с Людвига Бетховена), а в виде живого, непрерывно меняющего краски, цельного потока чувств, небывалых по разнообразию и интенсивности, — это стало отныне творческой сверхзадачей Скрябина, первым опытом решения которой была Третья соната, с ее во многом еще традиционным, листо-вагнеровским движением от мрачных драматических образов первой части через утонченную лирику «смутных желаний, невыразимых мыслей» в средних частях к героике борьбы и торжественной поступи финала.

Упорные и напряженные поиски продолжались в 1898-1903 годах. Алесандр Скрябин вел класс фортепьяно в Московской консерватории, преподавал в музыкальных классах Екатерининского института. Живя в Москве, он сблизился с Сергеем Николаевичем Трубецким и стал членом Московского философского

общества. Общась с Валерием Яковлевичем Брюсовым, Константином Дмитриевичем Бальмонтом и Вячеславом Ивановичем Ивановым, освоил мирозерцание символистов, все более утверждаясь в мысли о магической силе музыки, призванной спасти мир. Одновременно он лихорадочно искал новые средства музыкальной выразительности и художественные формы, которые могли бы воплотить осаждавшие его идеи и образы.

Обратившись к оркестру, А. Скрябин в короткий срок создал ряд симфонических произведений (в том числе две симфонии), «на ходу» постигая тайны тембров, полимелодических и полиритмических сочетаний, искусство построения масштабных форм, отдельные части которых все теснее соединяются тематическими связями, а внутренние грани под напором новых гармоний и ритмов становятся все более зыбкими, открывая путь непрерывному течению музыки. Особое беспокойство доставляли ему финалы, в которых концентрируются образы радости и свободы. Его не удовлетворили ни помпезность хорового финала Первой симфонии («Придите все народы мира, искусству славу воспоем»), нитор-жествующая мощь финала Второй. Конечная радость свободного духа ассоциировалась у Скрябина не с торжественной поступью, а, скорее, с эйфорией экстатического танца, трепетной игрой языков пламени, с ослепительным светом.

Третья симфония Александра Скрябина

Желаемого композитор впервые достиг в Третьей симфонии («Божественной поэме», 1903-04) и ее фортепьянном «спутнике» - Четвертой сонате (1901-03). Поток музыки (три части, исполняемые без перерыва), насыщенный волевой активностью и стремительной энергией, на едином дыхании возносит слушателя от первых, мрачно-утвердительных тактов Вступления симфонии к сияюще-радостному танцу Финала. Симфония классична не только в смысле совершенства воплощения замысла («биография духа»), но и в отношении достигнутого в ней равновесия между новым и традиционным, субъективно-индивидуальным и общемзыкальным - равновесия, которого в дальнейшем уже не наблюдается. Оказавшаяся для многих современников подлинным «открытием Скрябина», «Божественная поэма» остается одной из высочайших вершин мирового симфонизма.

«Мистерия»

В 1904 году, оставив тяготившую его педагогическую работу, Скрябин уехал за границу. Выступления в европейских городах, гастроли в США (1906-1907), зарубежные премьеры симфонических произведений укрепили его международное признание. Не прекращался и творческий процесс, целиком подчиненный тому, что стало теперь главной целью жизни Скрябина, его миссией - созданию грандиозной «Мистерии», призванной преобразовать не только дух человека, но и самый мир. На достижение этой цели были направлены и упорное изучение истории человеческой мысли - от Иммануила Канта и Фридриха Шеллинга до Фридриха Ницше и Елены Петровны Блаватской, от мистических

учений Древнего Востока до марксизма, - и напряженные поиски в сфере музыкального языка, становящегося все более и более индивидуализированным.

Идея «Мистерии», подсказанная ему Вячеславом Ивановым, в сущности, не что иное, как «биография духа», расширенная до космических масштабов.

«Мистерия» мыслилась как совершающееся где-то в Индии грандиозное соборное действие, в которое вовлечены и люди, и весь окружающий мир, и все искусства (включая «симфонии» ароматов, прикосновений и т. п.), возглавляемые музыкой. Участники действия как бы проживают всю космогоническую историю «божественного» и «материального», достигая экстатического воссоединения «мира и духа», а тем самым полного освобождения и преображения, в чем, по идее композитора, и должно заключаться «последнее свершение». За этим поэтическим, по сути, видением скрывалась вековечная жажда великого «чуда», мечта Скрябина о новой эре, когда человек, победив зло и страдания, станет равным Богу.

«Поздний» Скрябин

Наиболее значительные сочинения «позднего» Скрябина — одночастная «Поэма экстаза» (1905-1907; с отдельно изданной стихотворной программой), в которой композитор разрабатывал светлые, оптимистические образы мечты, томления, настойчивого порыва очарованной души к действию и конечному торжеству «воли свободной», и «Прометей» («Поэма огня», 1909-1910), также сопровождавшийся лирико-философским комментарием. Имя античного героя в «Прометее» символизирует «активную энергию вселенной, огонь, свет, жизнь, борьбу, усилие, мысль». Зарождается в недрах дремлющего первозданного хаоса, стремительно растет, расширяется, охватывая собой весь мир, и переходит в главной кульминации коды в «громадный лучезарный подъем» (хор, орган, колокол, весь состав медных и ударных инструментов). Придавая воплощению творческого начала первостепенное значение, Скрябин подчеркивал: «Я хочу не осуществления чего бы то ни было, а бесконечного подъема творческой деятельности, который будет вызван моим искусством». Этого эффекта ему в значительной мере удалось достичь в «Прометее». Его музыка - это неудержимый поток, который сносит на своем пути все установленные традицией грани формы, гармонии, фактуры, мелодических и ритмических построений, превращая произведение в единое целое, в непрерывно пульсирующий, пере-ливающийся всеми оттенками сгусток звуковой плазмы, удерживаемый в пространстве творческой волей и излучающий колоссальную энергию.

«Прометей» написан абсолютно новым музыкальным языком. Скрябин окончательно отказался здесь от традиционного мажоро-минора, заменив его собственной системой звуковой организации, основанной на так называемом «прометеевом аккорде», звучащем в первом такте произведения. Примечательной особенностью является включение в партитуру световой строки (Lucis), предназначенной для светомузыкального инструмента - идея, не нашедшая пока еще адекватного воплощения.

Последние годы жизни Александра Скрябина

В 1910 году А.Н. Скрябин обосновался в Москве, близ Арбата. Последние годы жизни композитора — время неуклонного роста его известности. Он много концертировал, и каждая его новая премьера становилась значительным художественным событием. Все поздние произведения Скрябина - сонаты (№№ 7-10), фортепьянные поэмы («Маска», «Странность», «К пламени») и другие - так

или иначе связаны с идеями «Мистерии». Он увлеченно работал над текстом ее подготовительного варианта («Предварительного действия»), играл друзьям фрагменты музыки. Работу оборвала скоропостижная смерть композитора (от сепсиса, вызванного карбункулом на верхней губе).

В 1922 году в помещении последней квартиры Скрябина в Б. Николо-Песковском переулке был открыт музей.

Скрябин и культура «серебряного века»

Музыка Александра Скрябина - замечательная страница «серебряного века» русской культуры. Это - чуткая «сейсмограмма» внутреннего мира художника, живущего накануне, в межвременьи, в предгрозовой атмосфере всеобщих ожиданий, и всем существом устремленного навстречу грядущему обновлению. Отсюда ее повышенный, доходящий часто до экзальтации, эмоциональный тонус, ее энергетика, ее импульсивность и внутреннее беспокойство, непрерывная изменчивость и прихотливая игра нюансов, поэтизация состояний томления, порыва, утонченный лиризм и недосказанность, отсюда же - и ее волевая устремленность, взрывчатость и драматизм, патетика и торжество кульминаций. Отсюда - новая музыкальная экспрессия, ставшая откровением для современников. «Музыка Скрябина - это неудержимое глубоко человеческое стремление к свободе, к радости, к наслаждению жизнью» (Б. В. Асафьев).

В числе сочинений Александра Николаевича Скрябина - 3 симфонии (1900, 1901, 1903-1904); симфоническая поэма «Мечты» (1898); для фортепьяно - 10 сонат, 9 поэм, 26 этюдов, 90 прелюдий, 21 мазурка, 11 экспромтов, вальсы.

Александр Скрябин скончался 27 апреля (14 апреля по ст.ст.) 1915 года, в Москве.

(Л. И. Левин)

А.Н. Скрябин. Последний путь.

К началу 1915 года популярность А.Н. Скрябина достигла апогея. В эти годы он был равноизвестен и как пианист и как композитор. В книге «Москва. Путеводитель» за 1915 год, в обзоре Н. Кочетова «Музыкальная жизнь Москвы» отмечалось, что к огромному количеству разных абонементных концертов..., присоединяется еще масса концертов заезжих артистов, русских и иностранных. Это обилие концертов, из которых только редкие не имеют материального успеха, также доказывает увеличение интереса к чистой музыке. Этот интерес отчасти объясняется и тем, что опера после Вагнера дала очень мало нового, а концертная музыка, вокальная и инструментальная, дало много такого, значение чего, конечно, еще не определилось, но что побуждает нас с интересом следить за происходящей на наших глазах музыкальной эволюцией. Собственно в Москве публика ясно разделилась на две группы: поклонников С.В. Рахманинова и А.Н. Скрябина.... Высокоталантливый Скрябин, творчество которого последовательно опиралось на Шопена и Вагнера, в своих последних сочинениях отказался от исторически сложившихся форм и оборотов музыкального языка и пошел, подобно Дебюсси, Ребикову и другим, на путь исканий. Этот поворот привлек к нему, помимо лиц, чувствующих его специфический композиторский талант, и тех, кто особенно сильно резонирует на все явления современного модернизма, увлекающегося всем новым, прежде всего в силу его новизны. Таким образом, в Московской музыкальной жизни имена Рахманинова и Скрябина как бы знаменуют собою музыкальную эволюцию и революцию. Общее развитие музыкальной жизни Москвы сделало сильнейший скачок вперед, когда серьезная музыка, когда-то развлекавшая немногих любителей, захватила широкие круги городского населения, получила общественное значение. (См.: Н.Кочетов. Музыкальная жизнь Москвы. «Москва. Путеводитель» (под ред. Е.Ф. Звягинцева, М.Р. Коваленского, М.С. Сергеева и К.В. Сивкова), издание Товарищества И.Н. Кушнерев и К.; М., 1915 г. с. 317-318.)

Музыкальное наследие А.Н. Скрябина к началу 1915 года составляло 74 опуса (см. Летопись жизни и творчества А.Н. Скрябина. М.: Музыка, 1985.) Из них были изданы при жизни композитора: М.П. Беляевым – около – 50, самые ранние и последние десять – П.И. Юргенсоном, опусы с 58 по 64 – Российским музыкальным издательством, финансировал и организовал которое С.А. Кусевицкий. (см. Браудо, Е. Памяти А.Н. Скрябина // ж. Аполлон. 1915, № 4 и 5 с. 55.)

Количественно преобладают фортепианные сочинения: 10 сонат, написанных с 1892 по 1913 год, множество мелких пьес, среди которых 91 прелюдия (с 1888 по 1914 гг.), 23 этюда (с 1894 по 1912 гг.), 21 мазурка с 1888 по 1903гг.), 20 поэм (с 1903 по 1914 гг.). И пять крупных произведений для оркестра и Концерта для фортепиано с оркестром опус 20 (1897 г.) три названы поэмами: Третья симфония «Божественная поэма» (1903–1904), «Поэма экстаза» (1905–1907) и «Прометей» («Поэма огня») (1909 – 1910). В отличие от других композиторов Скрябин писал только инструментальную музыку (как добавочный элемент в симфонических произведениях использовал хор).

События апреля 1915 года были ударом для многих – коллег, почитателей творчества, слушателей и, безусловно, близких А.Н. Скрябина. О печальных

событиях апреля мы уже писали в книге «А.Н. Скрябин в пространствах культуры XX века» (М.: издательство «Композитор», 2009.)

Среди близких друзей болезнь и внезапная смерть Скрябина вызвала шок. А.Б. Гольденвейзер, друживший со Скрябиным с 1889 года, с момента их первой встречи на ученическом вечере в консерватории, как и многие, был потрясен. Гольденвейзер часто был первым исполнителем новых сочинений друга, дружили они и семьями (как с первой, так и со второй). Именно Гольденвейзер привел Скрябина в дом своего кумира – Л.Н. Толстого, они оба преподавали в институтах благородных девиц, в Московской консерватории, оба дружили с С.В. Рахманиновым, учились у одних и тех же консерваторских педагогов – у Танеева, Сафонова, Аренского, имели общих близких знакомых – сестер Монигетти, М.К. Морозову, членов семьи князей Трубецких и других.

Образ Скрябина как человека, композитора, исполнителя наиболее точно выразил Борис Пастернак, для которого творчество Скрябина было близко и дорого. Борис Леонидович впоследствии напишет о кумире своего детства и юности: «Он вообще воспитывал в себе разные виды одухотворенной лёгкости и неотягощенного движения на грани полёта.» (См.: Пастернак, Б. «Воздушные пути». М.: 1982, с. 422.) Ощущение Б.Л. Пастернака ещё более точно передал отпевавший композитора протоиерей В.М. Некрасов: «..Чувствовалось, что он весь, каждым атомом своего существа, горел священным огнём любви ко всему возвышенному и чистому. В нем виден был даже непосвящённым жрец чистого искусства, причём идейное служение художественному призванию в нем гармонически сочеталось с богатым душевным содержанием. Это чувствовалось и когда он играл на своём любимом инструменте, и когда говорил о своих смелых прорывах к неведомым, таинственным берегам музыкального творчества, и когда, погруженный в думы, безмолствовал, устремив свой вдохновенный взор в таинственную высь, откуда он черпал ему одному ведомый источник чистого вдохновения для своих загадочных песен.» (См.: «А.Н. Скрябин в пространствах культуры XX века». М., Издательство «Композитор», 2009, с. 282.)

Последний свой концерт Скрябин дал в Петрограде 2 апреля 1915 года в Малом зале Петроградской консерватории, в котором впервые исполнил танец «Гирлянды» (ор.73 №1) и прелюдии ор.74 №1 и 4. И публика столицы Российской империи с восторгом принимает Скрябина. Об этом есть достоверные свидетельства. 3 апреля А.А. Дидерихс телеграфирует в Москву Т.Ф. Шлецер: «Концерт блестяще успех громадный зал переполнен (см.: «Летопись жизни и творчества А.Н. Скрябина» М.: «Музыка», с. 198) К нему присоединяется А.И. Зилоти: «Саша имел громадный успех. Играл архивеликолепно». (См.: ВМОМК имени М.И. Глинки, фонд № 31, ед.хр.383.)

Незадолго до этого, в начале 1915 года художник А.Я. Головин пишет последний прижизненный портрет А.Н. Скрябина. Скрябин позирует ему в мастерских над сценой Мариинского театра во фраке после своего концерта в зале Филармонии. Скрябин, как бы между делом, обронил фразу, что гений всегда умирает вовремя. Никто и не обратил на это внимание, а через некоторое время это случилось. Смерть Скрябина была всеобщим потрясением.

В некрологах и статьях о Скрябине, появившихся в русской печати после смерти композитора, эта смерть трактовалась как нелепая случайность, злая насмешка судьбы, гримаса неумолимого рока.

В журнале «Южный вестник» № 4 за 1915 год появляется статья А.К. Горского памяти Скрябина «Этапы духосознания», которая стала исходной точкой размышлений автора о феномене Скрябина, неразрывно связанных для него с размышлениями о музыке и её месте в богочеловеческом преображении мира.

В журналах появляются статьи В.Э. Мейерхольда, М.Н. Мейчика, В.Г. Вальтера, В.В. Держановского, с докладами о Скрябине выступают Б.Л. Яворский, А.Б. Гольденвейзер, Вяч. Иванов, Л.Л. Сабанеев, Б.Ф. Шлёцер, появляются книги и брошюры, например Ю.Д. Энгеля и др. Целый ряд материалов публикуются без подписей.

Многие музыканты в сезоне 1915/16 г. дают благотворительные концерты, сбор средств от которых передаются детям Скрябина и Т.Ф. Шлёцер. Проводятся вечера памяти А.Н. Скрябина не только в Москве, но и в других городах России – Петрограде Харькове, Ростове-на-Дону и др. Гольденвейзер принимает самое активное участие в этих памятных мероприятиях, а также является одним из организаторов Скрябинских обществ в различных городах России.

Гольденвейзер продолжает популяризировать творчество своего столь рано ушедшего друга. Принимает активное участие в создании Музея А.Н. Скрябина, пишет воспоминания, в середине 20-х годов возглавляет Общество друзей Музея композитора, вместе с Н.С. Жилиевым разбирает архив Скрябина, бережно хранит в своем архиве некрологи, статьи о Скрябине.

Через 15 лет после кончины своего друга, выступая на торжественном заседании в Музее Скрябина 19 апреля 1930 года отмечает: «И вот эта смерть, наступившая в самом расцвете и физической жизни, и творческой работы Скрябина, повторяю, тогда казалась страшной несправедливостью. Но сейчас, когда прошло 15 лет, она кажется мне какой-то страшной необходимостью. Эта смерть не была случайна, Скрябин, по-видимому должен был умереть. В его работе, в тех путях, по которым он шел, он дошел до такой точки, которая должна была завершиться неминуемой катастрофой...» (См. Ученые записки. вып. 7, книга 2, М., Мемориальный музей А.Н. Скрябина, 2014, с. 147.)

В архиве А.Б. Гольденвейзера (см. Ф.161, документы № 1806) хранится тетрадь с вырезками из газет под названием «О смерти Скрябина и Танеева», подписанная рукой. Здесь же, на первой странице – две вырезки из газет (ссылки на газеты нет – А.С.) с некрологами–сообщениями Дирекции Московского отделения Императорского русского музыкального общества и Московской консерватории об отпевании в церкви Святого Николы в Песках, гражданской панихиде в Большом зале Московской консерватории и погребении композитора на Новодевичьем кладбище.

Представляем материалы в той последовательности, как они приклеены в данной тетради.

Русские ведомости» 14 апреля 1915 г.

СМЕРТЬ А.Н. СКРЯБИНА

Сегодня, в 8 часов утра, скончался композитор А.Н. Скрябин. В начале прошлой недели у него над верхней губой появился маленький прыщик, которому ни сам покойный, ни его домашние не придавали значения. Однако температура стала немного повышаться, и А.Н. Скрябин, полагая, что у него инфлуэнца, слег во вторник в постель, лечил его доктор Богородский. Концерт с участием Скрябина, назначенный на 11 апреля, был отменен. Злокачественность увеличившегося фурункула стала однако обозначаться все определеннее; температура угрожающе поднялась. Пригласили доктора Н.С. Щелкана и профессора И.К. Спичарного. Два раза сделаны были разрезы, сначала малый, потом большой, но температура не падала, гнойное воспаление распространилось шире на лицо. В воскресенье вечером приглашен был на консилиум еще профессор А.В. Мартынов. Положение признано было крайне тяжелым, но не безнадежным. Сделали еще один разрез. Вчера с утра опухоль заметно спала; на мгновение зажглась – было надежда на улучшение. Но затем появились признаки гнойного отравления крови. Терапевт, профессор Д.Д. Плетнев в 6 ½ часов вечера констатировал гнойный плеврит. Часы больного были сочтены...

В прошлом году, когда Скрябин концертировал в Лондоне, у него также появился фурункул, но вскрытие этого фурункула и лечение прошло тогда так удачно, что концерт не был даже отложен. Оттого, может – быть, теперь болезнь не внушала ни самому А.Н. Скрябину, ни его близким серьезных опасений. Больной долго переносил болезнь спокойно, кротко. Только вчера он стал сильно волноваться; метался, жаловался, что трудно дышать, бредил. Сегодня в час ночи, Скрябин начал терять сознание. В три часа он приобщился Св. Тайн, и уже до смерти сознание к нему не возвращалось.

Без подписи

«Время» 15 апреля 1915 г.

ВИДЕВШИЙ СОЛНЦЕ

Я не музыкант, Я даже не слушатель, а просто зритель,

Зрителем я вынужден оставаться даже на концертах.

И, однако, у меня было несколько сильных музыкальных впечатлений. Самые сильные из них: Рахманинов и Скрябин.

Каждый раз, когда при мне называют имя одного из этих, этих композиторов, я вижу...

Вижу концерт Рахманинова, на маленькой эстраде, - это было в провинции, - большой рояль. Крышка его поднята, как крыло черной птицы.

Неловко вышел из покачнувшейся двери в декорации, которую обычно ставили здесь для изображения великосветских гостиных, композитор.

И остановился растерянно, когда грянули аплодисменты.

Сел; подвинтил под собой скамейку. Согнулся и исчез за черной поднятою крышкой.

Началась музыка. Того, что играл тогда Рахманинов, я уже не помню. Но великолепно помню, как сгибалась его спина.

Точно он плыл по воздуху. И черное, острое крыло чертило путь...

Рояль наполнил собой всю сцену. Скрыл все остальное из глаз. Только музыка и эта методически склоняющаяся фигура. И люстра, отразившаяся сверкающим ореолом в черном озере, в лакированной поверхности.

Быть может то, что я сейчас рассказываю – ересь, но я был счастлив; я беспредельно наслаждался.

Наслаждаюсь и теперь, припоминая все это...

Играет Скрябин. Разумеется, тогда был тоже рояль.

Такой же концертный и лакированный.

Но я его не видел. Или, еще вернее – видел только одно мгновение. Пока композитор, так же, как и Рахманинов, устанавливал винт в скамейке на должную высоту.

Пробовал клавиши...

А затем началась фантасмагория.

Все сразу исчезло, - все, не исключая и инструмента.

Разверзлась бездна перед глазами. И семицветный воздушный мост через бездну.

Плавный вихрь кружится, плавный и негармоничный.

Я видел только музыку, без всяких музыкальных аксессуаров. Ни люстры, ни черного лака.

Как хотите, но было жутко.

Я ничего не понимаю в музыке. Такое же ощущение, вероятно, было у первого человека на земле, окруженного звуками.

Впрочем, мне трудно говорить. Нельзя рассказать того, что тогда увидел.

Мой дух соткал мне сон...

Последняя нота – и в солнечном тумане показалась далекая, едва различимая тень.

Это была ... все та-же, неизбежная на концертах, крышка открытого инструмента.

Она приближалась из далекой дали.

Остановилась. Музыкант выпрямился.

И чей-то первый, резкий неожиданный голос воскликнул: - Скрябин!..

Другие голоса отозвались не сразу. Трудно было проснуться.

А потом – снова музыка, только музыка. Скрябин играл на «vis»...О, не возмущайтесь! Я и сам знаю, как мало пригодны сейчас все обычные человеческие слова...

Я выходил по окончании концерта шатаюсь.

Как ослепленный.

Несколько часов я, не отрываясь, смотрел на солнце...

АссЪ.

«Время» 15 апреля 1915 г.

Неожиданно скончавшийся вчера композитор А.Н. Скрябин родился в 1872 г. в Москве. С раннего детства он обнаружил большие музыкальные способности и уже с 8-ми лет сочинял.

Кадетский корпус, куда был отдан 10-летний Скрябин, пришлось вскоре бросить, и он поступает в консерваторию, где занимается у Сафонова, Танеева и Аренского.

Танеев, впрочем, давал уроки Скрябину еще в то время, когда тот был кадетом, сразу угадав в нем крупный композиторский талант.

В 1891 г. Скрябин окончил консерваторию. Любопытно здесь отметить, что учитель Скрябина Аренский, все время скептически относился к композициям своего ученика.

По окончании консерватории в судьбе Скрябина принял горячее участие известный русский меценат М.П. Беляев, который до своей смерти делается восторженным поклонником композитора и печатает его сочинения.

В 1897г. Скрябин был приглашен профессором фортепиано в московскую консерваторию. Но педагогическая деятельность не удовлетворяет Скрябина и уже в 1902 году он бросает кафедру и посвящает себя исключительно композиции.

Непризнанный вначале (как, впрочем, многие из «великих»), почти единственный исполнитель своих вдохновений, Скрябин с каждым годом становится популярнее; его начинают играть, и теперь почти ни один фортепианный концерт не обходится без сочинений талантливого композитора.

А.Н. Скрябин оставил нам огромное наследство, - около 75 опусов. Творчество его можно разделить на три периода: первая – сочинения, навеянные Шопеном и отчасти Вагнером, более зрелые, в которых ярко выступают оригинальные черты композитора (томление, благородный пафос) и, наконец, последние достижения, в которых Скрябин окончательно уходит от старых форм, оперирует новым гармоническим материалом (скрябинские нонаккорды, восьмизвучные соединения и пр.), им же созданным.

Из сочинений последнего периода, кроме грандиозной поэмы «Прометей», замечательны последние сонаты Скрябина: 8-ая соната, с ее контрастами наслоений (светлый порыв и трагический элемент во 2-й теме), имеет много общего с музыкой к «Прометею»; 9-ая – проникнута мистическим настроением и какой-то болезненной изломанностью; наконец, 10-ая носит просветленный, созерцательный характер.

Красивая, поражающая своим грандиозным замыслом, идея Скрябина создать «Мистерию» не осуществилась, - композитор унес с собой эту дерзновенную мечту...

Невознаградимая утрата...

Среди нас жил гений, и он ушел от нас...

Б.

«Время» 16 апреля 1915г.

ПОХОРОНЫ А. Н. СКРЯБИНА.

Большой торжественностью отличались сегодняшние похороны безвременно погибшего А.Н. Скрябина.

Отдать последний долг гордости современной русской музыки явились не только музыкальная Москва и учащиеся музыкальных школ, но и вся учащаяся молодежь, московское общество, даже народ в широком смысле этого понятия.

Площадка, примыкающая к церкви святого Николая, на Песках, и все окрестные переулки были чуть не с раннего утра загромождены буквально многотысячной толпой. Только немногим счастливым, пришедшим чуть не с пяти часов утра, удалось пробраться ближе к церкви. В самую церковь пускали только по билетам, и здесь, вокруг гроба, собрались буквально все музыкальные деятели Москвы, профессорская корпорация консерватории, филармонии и частных музыкальных училищ, находящиеся в Москве композиторы, артисты, многочисленные представители московского общества, друзья, родные, почитатели покойного.

Гроб утопал в венках, которых было так много, что значительную часть не могли разместить на колесницах и заранее отвезли на кладбище Ново-Девичьего монастыря.

Отпевание тела покойного совершал настоятель церкви отец В.П. Некрасов в сослужении с законоучителями консерватории, филармонии и других музыкальных училищ. Вообще служило многочисленное духовенство.

Трогательно пел избранные сочинения синодальный хор. Перед отпеванием сказал слово памяти почившего законоучитель консерватории.

Богослужение настолько затянулось, что в час дня еще только началось отпевание.

После отпевания гроб с телом почившего вынесен на руках музыкальными деятелями, товарищами – профессорами.

К этому времени на улице собралось еще больше народу; все окна соседних домов, балконы, представляли море голов.

Молодежь поддерживала образцовый порядок и организовала цепь, которая окружила всю траурную процессию, чтобы толпа не нарушила шествия.

Гроб все время несли на руках попеременно ученики консерватории, филармонии и вообще учащаяся молодежь.

Хор учащейся молодежи пел на всем пути до кладбища Ново-Девичьего монастыря «Святой Боже».

По торжественности, по внешней обстановке и многолюдству, похороны Скрябина носили такой же всенародный характер, как в свое время похороны Чехова, Муромцева и ректора университета кн. Трубецкого.

(без подписи – А.С.)

«Русские ведомости» 16 апреля 1915 г.

К КОНЧИНЕ А.Н. СКРЯБИНА.

Вчера тело А.Н.Скрябина было перенесено из его квартиры в приходскую церковь Св. Николая Чудотворца, что в Большом Песковском переулке. Во 2-м часу дня на квартире собрались, кроме родных, близких к покойному лица, представители музыкального, литературного и художественного мира. Бывшие ученики и ученицы и многочисленные почитатели. Приходское духовенство отслужило литию, гроб вынесли из квартиры и перенесли в находящуюся напротив церковь, где установили на траурный катафалк. Вокруг и вблизи гроба размещены венки. У гроба местный настоятель прот[оиерей] В.П. Некрасов совершил панихиду. Пел хор Архангельского. В 6 час. веч. у гроба была отслужена всенощная. При выносе и за богослужением присутствовали в числе других: приехавшая из Петрограда на похороны В.П. Зилотти, представительница дирекции концертов А. Зилотти; члены дирекции и московского отделения Русского музыкального общества с председателем А.Н. Чижовым, профессора и преподаватели московской консерватории с директором М.М. Ипполитовым – Ивановым, композиторы С.И. Танеев, А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, С.Н. Василенко, Т.Л. Катуар, Н.К. Метнер, А.Б. Гольденвейзер, А.Э. фон-Глен, К.Н. Игумнов, Д.С. Шор, Л.О. Пастернак, Ю.К. Балтрушайтис, представители правления и члены Филармонического Общества, профессора и преподаватели музыкально-драматического училища Филармонического Общества, представители музыкальных училищ, много учащихся и др.

На гроб кроме перечисленных вчера возложены были венки: от центрального бюро при московской городской управе по оказанию помощи жертвам войны («Музыканту–гражданину»); от московского Художественного театра с надписью «Безсмертному»; от «Благодарной дирекции концертов А. Зилотти своему верному и любимому другу, последний душевный привет А.Н. Скрябину, нанесшему своей жестоко-ранней смертью великую потерю всей мировой музыке», от «Осиротелых друзей его музыки», московского Общества распространения камерной музыки («Гению русской музыки»), от Общества «Свободной эстетики», «Бетховенской студии», российского музыкального издательства, директора Томского Императорского музыкального училища пианиста Виноградова, А. Гольденвейзер, Н. и С. Кусевицких, К. и Т. Ушаковых, Н. и В. Струве, семьи Дидерихс, Евгении Гунст, группы преподавателей музыкальной школы Е.Н. Визлер и др.

Много возложено букетиков из живых цветов бывшими учениками и почитателями.

В 1 час дня в фойе Большой залы консерватории по А.Н. Скрябину была отслужена панихида. Её совершал профессор консерватории протоиерей В.М. Металлов. За панихидой присутствовали: С.В. Рахманинов, директора московского отделения русского музыкального Общества с А.Н. Чижовым во главе, профессора и преподаватели консерватории в полном составе и учащиеся.

Вечером у гроба А.Н. Скрябина после всенощной была отслужена вторая панихида. За вечерним богослужением церковь была переполнена. Здесь кроме лиц, бывших днем, находились: артисты и артистки Императорских театров, Художественного театра и много учащейся молодежи. К возложенным накануне и днем венкам прибавились новые: от артистов Императорских Большого и Малого

театров (на венке надпись - «Безсмертие предрешено»); от московского Общества оркестровых музыкантов; от оркестра С. Кусевицкого.

Сегодня состоится похороны А.Н. Скрябина. За заупокойным богослужением будет петь Синодальный хор. Вход в церковь – по билетам.

(Без подписи – А.С.)

«Русское слово» 16 апреля 1915 г.

ВЫНОС ТЕЛА А.Н. СКРЯБИНА

Вчера, в 2 часа дня, гроб с телом покойного А.Н. Скрябина был перенесен из его квартиры в церковь святителя Николая, что на Песках.

К выносу тела покойного композитора собрались многочисленные представители музыкального мира и другие почитатели его памяти.

Здесь были: председатель дирекции московского отделения Императорского русского музыкального общества А.П. Чижов, директор отделения М.М. Ипполитов–Иванов, Б.П. Юргенсон, М.М. Испелло–Давыдов, композиторы С.И. Танеев, А.Т. Гречанинов, С.В.Рахманинов, Г.Л.Катуар, Н.К.Метнер и другие, художник Л.О. Пастернак, профессора московской консерватории С.Н. Василенко, А.Э. фон-Глен, А.Б. Гольденвейзер, К.Н. Игумнов, Л.Э. Конюс, А.А. Подгаевский, прибывшая из Петрограда В.П. Зилотти и другие многочисленные представители музыкального мира.

Здесь также были: княгиня М.Н. Гагарина, А.Н. Лермонтова, Ю.К. Балтрушайтис и другие почитатели памяти покойного.

Дамы засыпали гроб покойного композитора букетами из живых цветов.

Вчера на гроб были возложены новые венки. Среди них находились: от артистов Императорских Большого и Малого театров, с надписью: «Безсмертие предрешено», роскошный венок из живых цветов от московского Художественного театра, с надписью: «Безсмертному», от московского общества распространения камерной музыки – «Гению русской музыки», от директора томского музыкального Императорского училища, пианиста Виноградова – «Гению Скрябина», от московского общества оркестровых музыкантов, от «Бетховенской» студии, от центрального бюро при московской городской управе по оказанию помощи жертвам войны – «Музыканту–гражданину», «Своему верному и любимому другу от благодарной дирекции концертов А. Зилотти - последний душевный привет А.Н. Скрябину, нанесшему своей жестокой ранней смертью великую потерю всей мировой музыке», от общества свободной эстетики, от российского музыкального издательства, от оркестра дирекции Кусевицкого – «Любимому композитору последний привет», от группы преподавателей музыкальной школы имени Е.Н. Визлер, от А.Б. Гольденвейзера, от Н. и С. Кусевицких – «Великому гению», от почитателей К. и Т. Ушаковых, от Н. и В. Струве, от семьи Дедерихс, «От осиротевших друзей музыки Скрябина», и др.

В храме св. Николая у гроба покойного композитора настоятелем храма прот[оиереем] В.Н.Некрасовым была отслужена панихида.

Пел хор Архангельского.

Вечером при большом стечении молящихся в церкви были совершены парастас (заупокойная всенощная) и затем панихида.

Сегодня в церкви св. Николая, при пении синодального хора, состоится отпевание тела покойного композитора.

Сегодня же на кладбище Новодевичьего монастыря будет совершено погребение тела.

ПАНИХИДА В КОНСЕРВАТОРИИ

Вчера, в час дня, по инициативе московского отделения Императорского русского музыкального общества и московской консерватории, в фойе Большого зала консерватории была отслужена панихида по А.Н. Скрябине.

Служил профессор консерватории протоиерей В.М. Металлов.

На панихиде были директора московского отделения Императорского музыкального общества, с председателем А.П. Чижовым во главе, профессора и учащиеся консерватории, с директором М.М. Ипполитовым-Ивановым во главе, некоторые композиторы и другие почитатели памяти покойного.

(без подписи – А.С.)

« Русское слово » 17 апреля 2015 г.

ПОХОРОНЫ А.Н. СКРЯБИНА.

Вчера с большой торжественностью похоронили Александра Николаевича Скрябина.

Отдать последний долг покойному композитору собрались многочисленные представители музыкального, артистического, литературного и художественного мира.

Храм святителя Николая, что на Песках, мог вместить лишь небольшую часть собравшихся почитателей покойного композитора.

В храм пускали только по билетам.

Церковный двор и прилегающие переулки были заполнены народом. Особенно много было учащейся молодежи.

Среди присутствовавших: писатели граф А.Н. Толстой, Вячеслав Иванов, Ю.К. Балтрушайтис, артисты и артистки: М.А. Дейша-Сионицкая, г-жа Звягина, г-жа Азерская, г. Трезвинский, г. Толкачев и др.; художники: В.В. Переплетчиков, Л.О. Пастернак, академик И.Э. Грабарь; депутация от Императорского русского музыкального общества и петроградской консерватории, в составе композитора Витольда и действительного члена г. Соловьева; председатель дирекции московского отделения музыкального общества А.П. Чижов, директор консерватории М.М. Ипполитов-Иванов, директор музыкально-драматического училища Филармонического общества А.А. Брандуков, директор синодального учмлица А.Д. Кастальский, профессора консерватории: А.А. Ильинский, К.Н. Игумнов, А.Б. Гольденвейзер, А.Э. фон-Глен и др.; композиторы: С.И.Танеев, А.Т. Гречанинов, С.В. Рахманинов, С.Н. Василенко, А.Н. Корещенко и др.; музыкальные критики Н.Д. Кашкин, Н.Р. Кочетов, Ю.Д. Энгель; М.Н. Муромцева, С.А. Кусевицкий, Б.О. Сибор, М.И. Мейчик, Н.А. Орлов, Д.С. Крейн, Д.С. Шор и др.

Отпевание тела совершал настоятель храма протоиерей В.П. Некрасов, в сослужении другого духовенства.

Пел синодальный хор, под управлением Н.М. Данилина.

За литургией и отпеванием тела были исполнены преимущественно песнопения композиции А.Д. Кастальского.

Перед отпеванием тела, прот[оиерей] В.П. Некрасов произнес следующее слово памяти А.Н. Скрябина: (полный текст см в Книге «А.Н.Скрябин в пространствах культуры XX века» М., изд. «Композитор», М.: 2009, с.282-283).

Отпевание тела окончилось во 2-м часу дня.

Дубовый гроб был вынесен из храма профессорами консерватории и друзьями покойного.

Была отслужена лития, и печальная процессия направилась по Арбату, Плющихе и Царицынской улице к Новодевичьему монастырю.

Впереди гроба на трех колесницах везли венки, возложенные на гроб покойного.

Среди возложенных вчера венков находились: от Императорского русского музыкального общества и петроградской консерватории, от всех провинциальных отделений Императорского русского музыкального общества, от учащихся московской, петроградской и саратовской консерваторий, от художественного совета музыкально-драматического училища филармонического общества, от 2-го имени императора Николая 1 московского кадетского корпуса с надписью «Своему бывшему кадету», от русского хорового общества, от оперного кружка, от союза деятелей искусств «Алатр» и многих других.

Всю дорогу гроб несли на руках почитатели памяти покойного композитора.

Учащиеся образовали живую цепь вокруг шествия.

Учащиеся же образовали импровизированный хор, исполнявший все время пути до кладбища пасхальные песнопения и «вечную память». Чем дальше двигалась процессия, тем более увеличивался хор, тем стройнее было пение.

У ворот Новодевичьего монастыря хор учащихся насчитывал уже до тысячи голосов. И этот мощный хор соединился с хором встречавших монахинь обители. После литии у святых ворот Новодевичьего монастыря, процессия при пении «вечная память» направилась к новому кладбищу. Здесь, в правой стороне, приготовлено было место для вечного упокоения А.Н. Скрябина.

Гроб опустили в могилу. Вырос могильный холм.

Поставили дубовый крест с простою надписью: «Александр Николаевич Скрябин. Скончался 14-го апреля 1915 года». Могилу покрыли ельником, Возложили роскошные венки.

Долго не расходился народ. Ждали речей. Но, повидимому, никто не хотел нарушить царившего безмолвия. Только в 5-м часу дня многотысячная толпа стала расходиться с кладбища.

(без подписи – А.С.)

«Русские ведомости» 17 апреля 1915 г.

ПОХОРОНЫ А. Н. СКРЯБИНА

Вчера Москва хоронила композитора А.Н. Скрябина. Отдать последний долг покойному собрались почти весь музыкальный мир, многие художники, литераторы, артисты. Масса учащейся молодежи и много почитателей. Уже в 10-м часу утра у церкви Николая Чудотворца в Больш[ом] Песковском переулке – многочисленная толпа почитателей, незапасшихся заблаговременно билетами, без

которых вход в храм не допускался. Толпа эта постепенно возростала, и во времени выноса гроба из церкви часть Песковского переуллка, выходящая к Арбату, была сплошь заполнена.

В церкви, убранной лавровыми деревьями и тропическими растениями, где стоял утопавший в венках и живых цветах гроб с телом покойного, в 10 час. утра началась заупокойная литургия. Ее совершал местный настоятель протоиерей В.П. Некрасов. Пел синодальный хор под управлением Н.М. Данилина, исполнявший песнопения по партитуре А.Д. Кастальского. Храм был переполнен. Здесь из числа других находились: приехавшие из Петрограда депутаты от русского музыкального Общества и петроградской консерватории гг. Витоль и Соловьев, представительница дирекции концертов А. Зилоти, В. П. Зилоти, директора и члены московского отделения Императорского Русского музыкального Общества с председателем А.П. Чижовым, директор московской консерватории М.М. Ипполитов-Иванов, директор Филармонического музыкально-драматического училища А.А. Брандуков, директор Синодального училища А.Д. Костальский; композиторы С.И. Танеев, С.Н. Василенко, А.Т. Гречанинов, А.Н. Корещенко, Н.Р. Кочетов, С.В. Рахманинов, М.Н. Мейчик, и др.; А.Э. фон-Глен, А.Ф. Гедике, А.Б. Гольденвейзер, А.А. Ильинский. К.Н. Игумнов, Н.Д. Кашкин, А.А. Крейн, Д.С. Крейн, У.А. Мазетти, А.К. Метнер, Л.Э. Конюс, г. Коонен, Н.А. Орлов, Г.П. Прокофьев, г. Подгаевский, г. Могилевский, М.И. Пресс, Б.И. Сибор, П.Н. Страхов, Ю.Д. Энгель, г. Струве, г. Сабанеев, Д.С. Шор, директор концертов С.А. Кусевитский. Много артистов и артисток, среди которых – Л.И. Звягинцева, М.А. Дейша-Сионицкая, Е.Г. Азерская, М.Н. Климентова-Муромцева, С.В. Федорова 2-я, С.Т. Трезвинский, Х.В. Толкачев; Э.А. Куппер; художники И.Э. Грабарь, В.В. Переплетчиков, Л.О. Пастернак; гр. Алексей Н.Толстой. Ю.К. Балтрушайтис, Вячеслав И. Иванов, театральные и музыкальные критики, представители провинциальных отделений и консерваторий Русского музыкального Общества, Филармонического Общества, Общества народной консерватории, Литературно-художественного Кружка, Общества распространения камерной музыки, Русского хорового Общества, «Бетховенской» студии, Общества оркестровых музыкантов и других музыкальных кружков, издательств, и школ, масса почитателей.

Протоиерей В.П. Некрасов перед отпеванием произнес надгробную речь. «Угас великий композитор, - говорил он, - которым по праву гордилась русская музыка, видевшая в нем своего смелого новатора и давно уже признавшая за ним неоспоримое место в ряду первых музыкальных величин XX века. Он с привлекательной наружностью соединял чарующую внутреннюю сущность, которая выявлялась в нем красочно, ярко, - в его взоре, в его обращении, в ласковости, приветливости. Чувствовалось, что каждым атомом своего существования – он горел священным огнем любви к возвышенному и чистому; в нем ярко был выражен истинный жрец чистого искусства. В нем заметно выступал и серьезный, глубокий ум, и твердая настойчивая воля, и доброе, притягивающее к себе сердце. Я не имею права, да и возможности, хотя бы даже в бледных красках коснуться вопроса о значении его в музыкальном искусстве, - продолжал проповедник, - о месте его дерзновенной музыки в истории будущего развития ее. Пусть об этом скажут свое слово те, кому оно по праву принадлежит, - товарищи ли по искусству, или критики, или почитатели его таланта, а что это был талант редкой величины, об этом знает не только Россия, но и вся Европа, но и даже заокеанские страны».

В начале второго часа друзья и близкие к покойному лица вынесли гроб и церкви. Духовенство совершило литию и похоронная процессия, открываемая тремя колесницами с венками, тронулась к Арбату и далее к Ново-Девичьему монастырю. Гроб всю дорогу несли друзья, знакомые, учащаяся молодежь и почитатели. Предшествовавший большой хор, преимущественно из молодежи, всю дорогу исполнял пасхальные стихиры, чередовавшиеся с «Вечной памятью». За гробом – громадная толпа провожатых. Учащаяся молодежь опоясывала всю процессию цепью. По пути следования кортежа стояли толпы народа.

В святых вратах монастыря процессию встретило местное духовенство с хором монахинь, последовала лития и гроб перенесли к могиле, приготовленной на Новом кладбище. Могилу окружала собравшаяся ранее густая толпа, некоторым из близких к покойному и знакомым не удалось пробраться к могиле. Снова отслужена лития, и гроб опустили в могилу. Вскоре над ней вырос могильный холм, увенчанный дубовым крестом с надписью: «Александр Николаевич Скрябин. Скончался 14-го апреля 1915 года». Холм убрали ельником. Молчаливая толпа долго не расходилась от могилы.

Кроме перечисленных ранее были возложены венки от Императорского Русского музыкального Общества. Костромского Отделения Общества, петроградской консерватории, художественного совета Филармонического училища, 2-го московского кадетского корпуса («Своему бывшему кадету»). Союза деятелей искусств «Алатр», Общества музыкально-теоретической библиотеки, несколько венков от учащихся московской, саратовской и других консерваторий, семьи Монигетти.

Летний сезон 1915 года был отмечен целым рядом симфонических концертов памяти Скрябина в Петрограде и Москве.

Осенью 1915 года музыкальная общественность Москвы и Петрограда услышала скрябинские циклы в исполнении А.И. Зилоти, Г.И. Романовского, А.К. Боровского, С.А. Кусевицкого, А.Б. Гольденвейзера, К.Н. Игумнова и других.

Концертный сезон 1915/1916 года был «Скрябинским». Во многих городах России исполнялись произведения композитора. Концерты его памяти давали С.В. Рахманинов, Е.А. Бекман–Щербина, А.Н. Дроздов, А.Б. Гольденвейзер, В.И. Скрябина и другие.

Прошли публичные лекции о творчестве композитора, с которыми выступили Л.Л. Сабанеев, А.П. Коптяев, Вячеслав Иванов.

В этом же году было создано Скрябинское общество в Петрограде и Москве.

Так завершился жизненный путь композитора–новатора. Отрадно, что в XXI веке имя А.Н. Скрябина не только не забыто, но и достаточно популярно, о чем свидетельствуют и проведенные уже пять Международных фортепианных конкурсов его имени в России.

А.С. Скрябин, старший научный сотрудник ВМОМК имени М.И. Глинки, кандидат исторических наук, доцент, президент «Фонда А.Н. Скрябина».

Postscriptum

Л.Л. Сабанеев о молодом Скрябине, его "мистике" и творческой психологии:

"Как-то раз слышал я его исполнение — он играл свой Концерт уже с финалом в симфоническом собрании Русского музыкального общества. Встречаюсь с В. Сафоновым, тогда директором консерватории. Решил у него спросить мнения. Сафонов меня удивил. «Скрябин не Шопен, — сказал он, — он умнее Шопена»".

"Сведения о том, что «Скрябин — новатор», что в его музыке какие-то необычайные вещи; необычайность его композиций мне казалась невероятной. Как-то я не удосужился узнать ничего про его композиции, не поинтересовался их даже купить. Появившийся в то время Второй фортепианный концерт Рахманинова, одна за другой появлявшиеся оперы Римского-Корсакова — всё это были для меня куда как более важные музыкальные события, чем Скрябин. Да и не только для меня. Я думаю, что тогда большая часть музыкальной Москвы мало знала Скрябина: наверное, только в ограниченной кучке лиц, близких к Сафонову и Беляеву, Скрябин был уже оценён как интересное явление".

"У Сафонова на ужине как-то встретился я со Скрябиным. Он пришёл, помню, очень поздно, чуть ли не во втором часу ночи (это была эпоха как раз наибольших его «приключений» и выходов). Скрябин сел как раз рядом со мной — в это время он был уже автором Второй симфонии, которая еще, впрочем, не была исполнена тогда. Сафонов относился к нему с огромной нежностью и отеческой шутиливой иронией.

— Саша Скрябин ведь у нас не простой, — говорил он, — вы его побаивайтесь, он что-то замышляет...

Я не знал, что такое замышляет Скрябин, и не понимал этих намёков. Но потом уже догадался, что дело шло тут о тех грандиозных планах, которые уже были в голове Скрябина в это время".

"Вы вот с ним не говорили, а поговорите как следует, не так, за ужином, а по-настоящему — вот он вам на бобах-то разведёт. Он ведь у нас ницшеанец и мистик.

— Что-то вид-то у него не мистический, — недоверчиво сказал я. — Вам нужно, чтобы уже всё сразу было... Вот поступит в иеромонахи — и вид мистический будет, — засмеялся Сафонов".

"Я решил действительно купить сочинения Скрябина и проштудировать. Мне попались Прелюдии ор.11, Этюды ор.8 и Соната ор.6 — это были первые мои близкие знакомые. Не могу всё-таки сказать, чтобы изучение этих произведений на меня сразу произвело какое-то «огромное» впечатление. Я, слыша про него такие отзывы, ждал какой-то совершенно необычайной музыки, какой-то сверхъестественной силы, после слов Сафонова о «иеромонахе» думал найти какие-то мистические в ней глубины, настроения. Ничего подобного не было. Была, правда, интересная, «вкусная», красивая музыка шопеновского типа, с некоторым «заострением» гармоний, но меня, съевшего тогда с головой всего Вагнера, конечно, это заострение гармоний не могло удивлять, я привык к ещё более острым звучаниям. Тонкость вдохновения Скрябина как-то прошла мимо меня, а несомненная салонность подействовала раздражающе. Я искал глубины..."

"Тот Скрябин, Скрябин ранних сочинений, с которым я познакомился, не произвел на меня впечатления и не вызывал желания знакомиться дальше. Мой кумир со-временности был Римский-Корсаков — единственный, на кого я возлагал надежды, хотя и не мог сопоставить его с Вагнером. Как раз в эту эпоху появлялись его последние сочинения, его «Кашей», «Китеж», «Золотой петушок».

Привозившиеся с Запада новинки современной музыки казались мне страшно однообразными, серыми, надоедал и этот ставший трафаретом эпигонический бесплодный «вагнеризм», и эта вязкая, ставшая тоже чем-то будничным, звучность оркестра. Всё это было не то, и страстно хотелось чего-то иного, нового, яркого, свежего, что бы разрядило застоявшуюся атмосферу музыкального мира".

Л.Л. Сабанеев о позднем Скрябине:

"Он говорил всегда тихо, как бы полужёпотом, видимо, имея в глазах очень яркие галлюцинаторные образы, с некоторой таинственностью, был всегда при этом нервен, часто вскакивал от рояля и внезапно пробегался по комнате, иногда раздражался детским весельем... Александр Николаевич, несмотря на свои сорок лет, был всегда очень молод внешним образом, очень подвижен и легко прыгал, как юноша, даже как мальчик, и имел вообще вид несколько «легковесный»".

" ... сочинявший в кабинете Александр Николаевич заимпровизировал в виде отдыха что-то «вроде Аренского». Очевидно, он кончал свое занятие. Он вышел оттуда, как всегда приветливый и ласковый.

— А, вот наконец-то ты, Саша, раскрыл свое настоящее лицо, — заговорила иронически Татьяна Федоровна. — Это ты, оказывается, все притворялся, а настоящая-то твоя музыка, от души — вот она какая.

Скрябин смеялся... Он не признавал импровизации.

— Я вообще не считаю импровизации и способности к ней за положительное достоинство. Всякое творчество предполагает план и мысль, а при импровизации ни плана, ни мысли не может быть".

"Скрябин был прав, говоря, что я позитивист. Мне было интересно его построение как известный психологический документ. Но мне чужда была его мистика, и я плохо верил в её конечную доброкачественность. Все-таки, ведь положила руку на сердце, приходится признать, что сам Скрябин мало походил на мистика с его изящной элегантностью, с его неумением переносить малейшие неприятности. Это ли «человек духовного опыта»? — думал я. Он мне представлялся одной породы с нашими «мистическими символистами» — этими слабыми созданиями, возникшими в надушенной атмосфере буржуазных салонов. Его щекотало пребывание в мире этих иррациональных и экзотических идей, ему нравилось плыть в океане неопределённых фантазий. Но видимо, наряду с этим у этого человека было и глубокое, серьёзное желание что-то свершить, что-то грандиозное создать, что-то мировое «осознать»... — но силы были слабы".

"В области живописных впечатлений Александр Николаевич в эту эпоху, как и раньше, ценил больше замысел и мистическую идею, чем колорит и выполнение. Футуристическая живопись его раздражала, он её, впрочем, и мало видал. Шперлинг и Чюрленис продолжали быть его любимцами, остальных художников он склонен был обвинять в материализме и в отрыве от мистических родников искусства".

**Die Tolstoi-Bibliothek wird gefördert durch
die Beauftragte der Bundesregierung für
Kultur und Medien,
das Bayerische Staatsministerium für Bildung und
Kultus, Wissenschaft und Kunst,
das Kulturreferat der Landeshauptstadt München.**

Die Tolstoi-Bibliothek ist auf Spenden angewiesen.
Bitte unterstützen Sie uns durch eine steuerlich
abzugsfähige Spende auf unser Konto:

Толстовская библиотека нуждается в пожертвованиях.
Все пожертвования списываются с налогов:

Nr. 78 24 302 (BLZ 700 205 00)
Bank für Sozialwirtschaft, München
Tolstoi Hilfs- und Kulturwerk, e.V.